

Борис Пастернак и сёстры Цветаевы – одно поколение, один круг культуры. Переписка Марины Цветаевой и Бориса Пастернака – целая эпоха в русской эпистолярной прозе. Их письма – стремление навстречу друг другу двух одиночеств, двух творческих неповторимостей, двух поэтически родственных душ. Оба они – Цветаева и Пастернак – жили больше собственным внутренним миром, чем окружавшей их каждодневностью. И эта их особая чувствительность породила и особенную общность, и отличность от остальных современников...

В разлуке они жаждали встречи. Пастернак из России писал за границу М. Цветаевой: «Я тебе начинала сегодня пять писем... Не разрушай меня, я хочу жить с тобой долго, долго жить...». И через несколько строк: «Ехать ли мне к тебе сейчас, или через год?». И от Цветаевой – Пастернаку: «Борис, Борис, как мы бы с тобой были счастливы и в Москве, и в Веймаре, и в Праге, и на этом свете и особенно на том, который уже весь в нас».

Причастность иным мирам, являвшимся им в сновидениях, в образах, недоосознанных, но столь явственных, что – искры из-под пера, роднила их с великим поэтом Австрии Райнером Марией Рильке. Родство это скрепилось перепиской. В первом письме Рильке Б. Пастернак признаётся: «Я Вам обязан основными чертами моего характера, всем складом духовного существования». Эхом – строки из автобиографической повести Пастернака «Охранная грамота»: «Я не дарю своих воспоминаний памяти Рильке. Наоборот, я сам получил их от него в подарок».

В 1986 году сестра Марины Цветаевой, Анастасия Ивановна Цветаева, подарила мне книгу Рильке, на которой сделала надпись: «Дорогому другу Станиславу, на память о Р.М. Рильке, Б. Пастернаке и моей сестре Марине. Эти трое задумали свидание, но Борис и Марина, жарко стремясь к его воплощению, не смогли понять из дали, их разделявшей, что Рильке умирает, и недоумевали отсутствующим, отлетающим интонациям его писем...».

Итак, М. Цветаеву с Пастернаком связывала более всего переписка, Свидание их по-настоящему, таким, каким они ждали его, – не состоялось. А с Анастасией Ивановной Борис Леонидович общался весьма часто. Познакомилась Анастасия Ивановна с Пастернаком в 1923 году, когда М. Цветаева из Чехии Б. Пастернаку в Берлин передала для дальнейшей передачи сестре свой сборник «Ремесло». В неоконченных и неопубликованных воспоминаниях о Б. Пастернаке Анастасия Ивановна пишет, что с первой же встречи её очаровал смех поэта:

«Смех Бориса! Кто опишет его. Это внезапное вскипание подводных глубей вокруг озаряющего всё его существо потока солнца. Он, потрясённый, теряет власть над собой, рушась в захлѐб счастья, без сил с ним бороться и вовлекая в него всех, кто рядом, без различия возраста».

Талант младшей Цветаевой – прозаический – Пастернак знал и ценил. Он писал ей восхищённо о присланной ему машинописи первой части «Воспоминаний», что страницы «дышат почти восстановленным жаром тех дней».

Арест А. Цветаевой в 1937 году прервал общение с Б. Пастернаком, но не дружбу. (Кстати, он хлопотал о её освобождении ещё при первом аресте, в 1933-м).

– Когда я после лагерей была сослана навечно, – вспоминает Анастасия Ивановна, – Борис писал мне и присылал с оказией деньги. Помогал... Как-то прислал туда свой перевод шекспировского «Гамлета». Я,

как специалист по английскому языку, достала там (в лагере) через вольнонаёмных английского «Гамлета». Где-то у меня даже есть эта книга. Она вся испещрена пометками, обозначающими места, которые Пастернак перепел неточно. Я ему об этом написала и всё замеченное в письме перечислила. Он ответил, что не стремился к абсолютной точности перевода, а хотел передать эпоху... Он прекрасно знал языки, но давал себе, как поэту, волю...

Я сама была переводчиком. У меня была задумана книга всех стихов 1841-го смертного года Лермонтова в переводе на английский язык. Задумала я это в 1937 году и за лето перевела три стихотворения. Не знала, что меня арестуют. Потом я была в лагере, вдали от книг, в кошмаре кухонной работы – головой вниз, в котёл (я мыла котлы), рука у меня правая не разгибалась, висела...

Я напомнил Анастасии Ивановне, что она некогда посвятила Пастернаку своё стихотворение «Ёлка» (она до того, как узнала о смерти сестры, писала и стихи).

– У меня хранится его стихотворение «Ёлка». Своё я ему послала не помню в каком году. Оно понравилось. Моя «Ёлка» написана в тюрьме.

– Анастасия Ивановна, а как случилось, что свою поэму «Высокая болезнь» – Пастернак посвятил вам?

– Просто она мне понравилась. Но посвящение это только в первом издании. Потом его не повторяли. Да это и не важно...

(Заметим в скобках, что посвящения репрессированным не могли появиться в те годы в печати. За этим строго следили).

– Пастернак был общительным человеком?

– Да... Конечно! Он с каждым был как у себя дома. В этом – его обаяние, его непосредственность, совершенно детская...

– А как он читал стихи?

– Пастернак? – (на секунду задумалась, подперев узкое лицо узловатой в пальцах, очень тонкой рукой) – читал своим гудящим голосом! Не так выпукло, не так скульптурно, как читал Мандельштам. Но, конечно, очень своеобразно. Мандельштам скандировал стихи. Волошин читал, как будто делился радостью: как хорошо получилось, как сложились слова, чрезвычайно медленно читал, словно перечёркивая эпоху, когда поэты в чтении летят как на курьерском, думая, что важно читать, а не прочесть...

Я очень прозу Пастернака любила, но не любила роман («Доктор Живаго»). Он прислал мне в ссылку машинопись первой части. Ему казалось, что в романе у него особенная простота высоты – а я любила его «Детство Люверс». Это как раз то, что потрясло Горького. «Человек в 35 лет так перевоплотился в 13-летнюю девочку! Я бы не мог!» – говорил мне Горький.

– Я видел – у вас фотография, на которой написано...

– Да, да! «После бесконечной разлуки!» Это было 29 июня 1959 года, когда я вернулась для реабилитации. В это время и состоялась наша встреча...

– Вы его нашли очень изменившимся в тот, последний раз?

– Нисколько. Он только белый стал – за 22 года совершенно поседел. А лицо – молодое. Ведь важна игра лица. Игра лица была всё та же!..

– Значит, в нём была всё та же человеческая интенсивность?

– Совершенно, совершенно!..

Я слушал Анастасию Ивановну и думал, что есть редкие, отмеченные Богом натуры, всё существо которых – поэзия. Таким был Борис Пастернак.

...Помогая Анастасии Ивановне разбирать бумаги, я обнаружил листок. Текст я с её разрешения привожу в этих заметках. В нём, неизвестно кем переведённом и подаренном, свидетельство отношения Б.Л. Пастернака к поэтам – его современникам.

«Вопрос внучки Леонида Андреева, американской журналистки Ольги Карлайль к Борису Пастернаку (январь 1960 г., Переделкино):

– Кого из ваших современников считаете вы наиболее близким в 20-е годы?

Ответ: «Вы знаете, каковы мои чувства к Маяковскому. Об этом довольно подробно писал я в моей автобиографии „Охранная грамота“. К большей части его последних произведений, исключая, конечно, его незаконченную вещь – «Во весь голос», – я был равнодушен. Упадок в области форм, обеднение мысли, неровность – черты, характерные для поэзии этого периода, – всё это стало мне чуждым. Но были и исключения...

Я любил всё написанное Есениным, который так схватил и передал запах земли русской. Я очень ценю Марину Цветаеву – она стала совершенной поэтессой с самого её дебюта. В век аффектаций она имела свой голос – человеческий и классичный. Она была женщиной, но с мужской душой. Борьба её с обыденщиной закаляла её. Она добивалась и достигала исключительной ясности и прозрачности. Она больший поэт, чем Ахматова, чьей простотой и лиричностью всегда восхищаюсь. Смерть Цветаевой была для меня самым большим горем моей жизни.